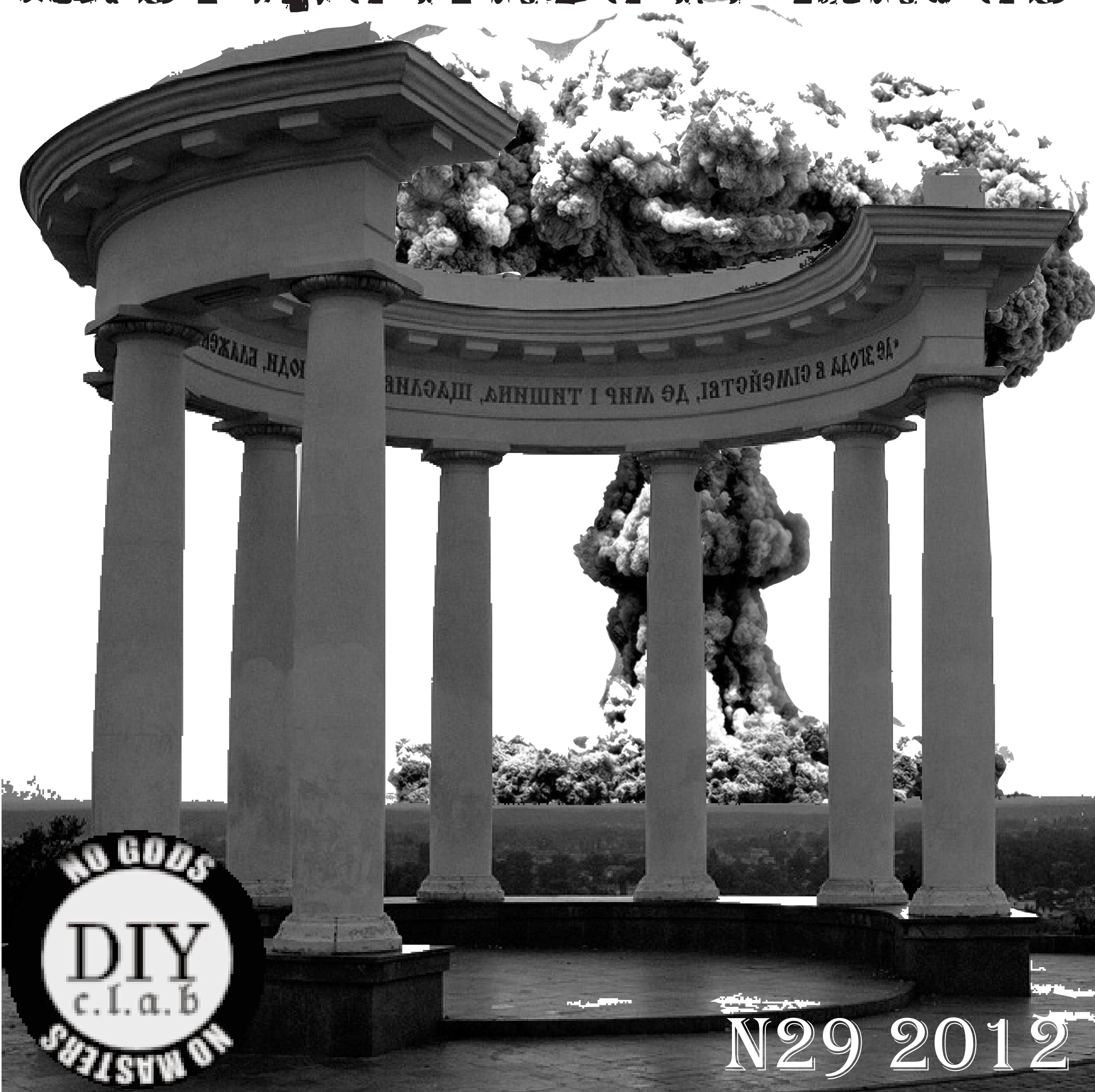
fanzine

ФОНТАРД

...ДЛЯ ДРУЗЕЙ И ЗНАКОМЫХ

Александр Шульц

Альтернативная жизнь

N29 2012

В НОМЕРЕ:

Фантастика

Мой галактический корабль плывёт в пространстве незнакомом,
На исполинскую звезду своё нацелив остриё.
Прошли века с тех пор, как с ним, могучим пламенем влекомым,
Наш экипаж ушёл в Ничто, найдя в нём новое жильё.

И сколько раз за эти дни в эфир смотрели мы с надеждой,
Найти пытаясь для себя планету праведной мечты,
Где грозно дыбятся хребты, но под воздушною одеждой
Звенят прозрачные ручьи, цветут прекрасные цветы.

Пока что поиски миров не принесли нам облегченья,
Печальных дум сырой туман повис в тоннелях корабля...
Ужель навечно тяжкий рок приговорил нас к заточенью
И никогда нам не узнать, как греет новая земля?!

Из подпространства выходя в бросках неистовых пульсаций,
Мы часто видели вблизи шары загадочных планет,
Унынья ночь летела прочь в пылу причальных операций,
Лазурью сфер светил эфир, мерцал жемчужный амулет.

Мы подлетали наугад к туманным грозным исполинам,
И наш корабль скользил легко над опрокинутой страной...
Как угадать, не пропустить обетованные низины,
Что далеко внизу грустят под белопенной пеленой?!

И час настал. Завыли дюзы, отмерив импульс тормозной,
Пробив туманы тяжким грузом, корабль завис и лёг кормой.
Мерцают звёзды отрешённо, причудлив запах неземной...
Мы так стремились в эти земли, как возвращаются домой.

Парк Юрского Периода

Парк Юрского периода без тормозов
и привода в руках морского климата на острове живёт.
Там динозавры потные гуляют, беззаботные,
и призраки бесплотные по джунглям давят гнёт.
Там динозавры страшные вступают в рукопашную,
учёные бесстрашные стремятся их понять.
Там динозавры сложные пасутся, осторожные,
на них за дни безбожные не хочется пенять.
Чудовища кошмарные не полностью бездарные:
свои тела ударные умеют охранять.
Взлетают птеродактили - ущельев обитатели,
их скверные характеры добыче не унять.
Борьба за выживание бесстрастна к оправданиям,
напрасные метания не оставляют шанс.
Животные спокойные жуют деревья стройные,
попав в тиски убойные, теряют свой баланс.
Большие насекомые, почти - что невесомые,
сверкают, незнакомые, в пылающих лучах.
Плывут холмы над островом, лежат,
пробиты острыми тропическими звёздами на каменных плечах.
В ущелья реки падают, стремительностью радуют,
парят над ними радуги на фоне острых скал.
Там джунгли многоликие полны ночными криками,
скрывают рощи тихие зияющий оскал.
Разумные рептилии страдают от насилия,
терзают их усилия, которые нужны.
Столбы высоковольтные стоят как дула кольтные,
и лишь дела герольдные без страха здесь важны.
Подводные течения поддержат увлечение,
при сосредоточении на остров приведут,
Откроем люки влажные и выглянем, куражные,
дела присущи важные, нам, видимо, и тут.
Ещё не отомщённые, бронёй отягощённые,
на берега сгущенные мы выйдем ворошить.
Зачем же человечество, не помня
про Отечество и не спросив у жречества, другим мешает жить?

Зимушка-Перехромушка

Вот и наступила, наконец, зима!
Кто её не любит, плачут задарма -
Им пойдёт на пользу эта красота:
снежные перины, стужи лепота.
Звонкие морозы торят зимний путь,
белые метели падают на грудь,
Реки заковало долгожданным льдом,
и рыбалка просит бросить отчий дом.
Каждая снежинка - маленький шедевр,
грустно отдыхают Лондон и Лефевр,
Подчиняясь сложным линиям полей,
влагу закрепляет стужи быстрый клей.
Северо - восточный гонит ветер мглу,
всё южнее воет снегу похвалу.
Турбулентность в тучах - как ночной кошмар,
принимают кручи северный удар.
С неопределённых снег летит высот,
вихрем атмосферным в ночь его несёт,
Крыши нагружает, заметает грязь...
Лёд покрылся снегом, очень скользко. Хрясь!
Отшумели вьюги, придавил мороз,
уплывает солнце за туманы грёз,
На сугробах жирных слепит белизна,
и в делах имбирных всё во власти сна.
Жалкие вороны берегут свой “Кар-р”,
быстрыми ручьями замерзает пар,
Под роскошной ёлкой свил гнездо медведь,
снегири на ветках - розовая медь.
Люди - человеки улицей ползут,
две ноги - как вехи на пути в уют,
Кутают упрямо нежный телостан,
и дела большие выполняют план.
Крутит по орбите космос карусель,
по утрам заводят птицы канитель,
Зазвенела робко под окном капель,
хочется чего - то... На дворе - апрель!

Огонь

Загорелся малиновый огонёк,
шаловливо вскарабкался на пенёк,
Попросился на ручки он у сосны -
язычки тщедушные едва красны.
И позволил побаловать сухостой -
от рождения был он совсем простой,
Вспыхнул ярким факелом над ручейком,
а огонь поскакал резвым горбунком.
Зашумела, задёргалась вся тайга -
ведь от края до края она глуха.
Пожалела себя до горючих слёз, знала, чувствовала
- это всё всерьёз.
А огонь гудит, расползается вширь,
полыхает в огне уже вся Сибирь,
По воздушным течениям угольки в джунгли
мокрые сыплются, пауки.
Хитрый дьявол вселился в этот огонь,
монстром бешеным рвётся грохот и вонь,
И горит от него, что могло лишь тлеть,
и морская вода, и земная твердь.
Раскалилась и лопнула твердь Земли,
и потоки лавы её залили.
Пучина океанская взорвалась,
разъярённым монстром к суше понеслась.
Из людей не спаслось почти никого.
Только станций космических кружево
По орбитам разбросано в судный день,
и в погасших глазах страх и смерти тень.
А из космоса пустого чуть видна эта огненная новая страна.
Магма дикая клокочет в глубине...
Всё сгорело. Всё привиделось во сне.
И закончилась безумная игра, сколлапсировала чёрная дыра,
Луч малиновый ехидно испустив, испарилась.
Лишь остался этот миф.

Яйцо

Послушай, брат, ты не поверишь, что жизнь земная - лишь ступень
Того, что взглядом не измеришь, что оживляет ночь и день.
Внечувственные колебанья многообразие несут.
Сияющее мирозданье и тварь ничтожная - всё тут.
Материальную структуру пронзают тонкие миры...
Они нас ждут великим гуру до отворяющей поры.
Необходимо подключаться, там информация ясна,
С самим собой в себе встречаться - ведь Абсолют не хочет сна.
Себя почувствовать частицей переполняющих чудес,
На дно реальности спуститься, установить свой полный вес.
Когда я ночью просыпаюсь, мне тишина несёт предел,
С которым днём потом сливаюсь в круговороте разных дел.
И по дороге на работу пронзаю взглядом Божий мир,
Свою вычерпываю квоту - меня меж звёзд несёт эфир!
Шумят упрямые заводы, авианосец топчет Шер,
Ползут по Марсу марсоходы - и на обед овсянка, сэр!
Реинкарнации вздыхают, всё ближе облик Божества,
И ураганы не стихают, тасуя линии родства.

Молитва

Прочь, фантазия! Уймись! В сердце трезвость, поселись!
Чур! Чур! Жизнь натур сменит блеск карикатур.
Стол стоит - на нём едят. Табурет - на нём сидят.
Но зачем из - под стола рожа хитрая видна?!
Чур! Чур! Не робей! Каблуками рожу - БЕЙ!
Табуретку оседлав, разберусь, кто в жизни прав.
Табуретка, не скачи! Струйки мысли не топчи!
Я молитву вознесу, трезвость хрупкую спасу.
Вот вам! С завтрашнего дня не узнаете меня!
Отвечает - ХА - ХА - ХА - кто - то криком петуха...

Пучок

Меж звёзд пробирается к нашей системе пучком,
разрешённым в обратное время,
Субстанция мысли вселенской медузы,
эфир прогибает немыслимым грузом
Идей гениальных.
Когда же коснётся инверсия мысли окрестностей Солнца,
Наш шар опояшет нейтринное эхо,
в скитаньях безмерных возникнет помеха.
И в этот момент дуновеньем созвездий
на Землю сойдёт голубое прозренье.
В тот год будет гениев тонкое царство.
Что будет? Союз вычислений и танца?
Конструкций Олимп иль виток биологий?
Урок человечеству дан будет строгий.
Но мы не погибнем.
Лишь мыслей фонтаны неузнанным ветром вдруг будут нам даны.
Мы всё сохраним - и с мутантами в паре
меж звёзд пролетим в резонансном угаре.
В центр нашей Галактики смело вонзимся,
лучами мезонов в эфир отразимся.
Да! Жизнь будет полным хозяином мира...
Нам в этом поможет всевластная лира!

Д Т П

Мозги на асфальте! Мозги на асфальте! В улыбке неверящей зубы оскальте!
И этого места не сыщешь на карте - ведь в школе не учат мозги на асфальте.
Я ехал спокойно, раздумьем объятый... Откуда он взялся, “фольксваген” проклятый!
Едва обогнул припаркованный “мерс”, как сбоку удар - и будь счастлив, прогресс.
Лежит на обочине груда железа - продукт неудачного онтогенеза,
А чуть в стороне, остывать начиная, затихла моя оболочка земная.
Толпа собралась, начались разговоры, водитель молоденький терпит укоры,
Сержант собирает свидетелей в стаю... Я в игры такие уже не играю.
Рассмотрим подробнее нашу картину: поломанных рёбер свирепую мину,
Гармонии нет в череде позвонков, и череп разбит на двенадцать кусков.
Я боль пережил как мгновение жизни, предел покидая непознанный нижний...
Теперь предстоит мне далёкий полёт туда, где отец меня любит и ждёт.

Известно все

У бездны манящей, под тяжестью скал горит,
пламенея, волшебный кристалл.
В мерцанье неверном проносится вдруг то счастье,
то горе, то гнев, то испуг.
Вот вспыхнула ярко там чья - то звезда,
вот в крике предсмертном сомкнулись уста...
В тумане багряном гремит колесо.
Здесь судьбы людские - на чаше весов.
Здесь мира грядущего лик странен, чист,
но только расплывчат ещё и росист.
В холодную грань мне б хоть раз заглянуть,
пылинкой летящей в тот мир проскользнуть.
Мне б только узнать, что нас в будущем ждёт,
к концу ли, к началу вихрь буйный несёт?
Вот зелье дымит колдовское в котле.
И чашу свою всем испить на Земле
Придётся... Улыбка колдуньи верна.
Клюкой шевеля, что - то шепчет она.
Громадою гор скрыто зелья вино. Что миру назначено - знать не дано.

Утро

Утро проснулось. Земля встрепенулась.
Слух обострился: не рано ль вставать?
Слишком уж быстро ночь обернулась. Это серьёзно - день начинать.
Тонкими струями синие дымы тянутся в руслах глубоких низин.
Дня властелин, за Землёю незримый, зноем пугая, скучает один.
Звёзды мерцают сквозь воздух прозрачный, медленно тают в густой синеве.
Робко проклюнулся лучик невзрачный, вал приближается с ним во главе.
Чёрные краски серой сменились, жала тупеют кинжальных лучей.
Как незаметно цвета появились! Краски в излучинах бьют всё сильней.
Вот, наконец - то! - циклопа явленье - красный пупырь приподнял волокно,
В жалких потугах сдержать наступленье нитка за ниткой спадает оно.
Солнце взлетело. Всё ошалело. Мир проявился из небытия.
Вновь декораций расставлено тело. Снова на сцене и ты, и я.

Жуть

Шорох загадочный, месяц припадочный,
музыка странная, ласка обманная...
Медленно выползли синие оползни,
Дрожью безудержной тихое чудище ширится волнами,
стонами полными.
Ветры с деревьями злыми поверьями силятся вымолвить,
вечности вымолить.
Тянемся к городу, взявшись за бороду.
Длится процессия, бьётся экспрессия.
Нитью прерывистой, цепью обрывистой город приблизился,
стенами вклинился.
Улица мутная лампами ртутными еле подсвечена,
мглой изувечена.
Дом с подворотнями, узкими окнами,
дверь приоткрытая, лестница врытая.
Двери захлопнулись, рябью подёрнулись.
За спину вертишься - с кем ещё встретишься?
Рама оконная ямою чёрною.
Кто приближается, в мраке скрывается?
Чёрная мантия помнит проклятия,
лик перекошенный, жалостью брошенный.
Раму заполнили очи бездонные,
в комнату пялятся, тянут и пятятся,
Красными точками,
злыми гвоздочками в душу мне вперились,
в муке уверились!

Что-то происходит

Виртуальные частицы налипают на ресницы.
Спином крутит электрон - и протон обворожён.
Гамма - кванты встряли в стену - мчат другие на замену.
С яркой вспышкой позитрон пролетает в мглу окон.
Солнце в злости - его дети затерялись на планете.
Шлёт оно в разведку сына - знаменитое нейтрино.
Звёзды пышут жаром - скоро быть пожару.
Новые смеются - кванты в луч сольются.
Спит Туманность Андромеды - вспоминает прапрадедов.
Газ межзвёздный чуть дрожит, гравитацией прошит...

Аромат фантазии

Мне хочется пред вами повиниться - видений рой души заполнил круг.
Мне снилось, будто я, почти как птица, пью воздуха хрусталь, не зная мук.
Нескромно это, но во сне под властью других законов человек живёт,
Дневного света мелочи, напастья, всё отступает - и душа поёт.
Мне снилось - я один в бездонном небе, границы мира жутко далеки,
И зайчики от солнца прямо в небыль бросают тень от поднятой руки.
И я летал и, облака пронзая, я видел много птиц вокруг себя,
Возможно, я, и сам того не зная, встречал людей, похожих на меня.
Лучом сознанья путь свой освещая, казалось, я всё вижу наяву,
Но я очнулся, и теперь я знаю, что мне приснилось то, чем я живу.

Альтернативная жизнь

Если бы люди рождались кентаврами в смысле строения ихнего тела,
Было б прикольно встречать их литаврами в час, когда солнце как будто бы село.
День трудовой устремился в историю, надо дать отдых ослабленным членам.
Только кентаврам подай территорию - житель степной чужд искусственным стенам.
Тело людское, по определению, всем хорошо - вертикальный момент,
И приспособить к его шевелению можно легко всякий эксперимент.
Узким пространством оно ограничено, можно по - разному контур сложить -
Ведь ни на малость не преувеличено, как ему хочется нам услужить.
В щёлку любую свободно протиснуться, радостно выпрямиться, не таясь,
К мокрой земле, задыхаясь, притиснуться и на тахте развалиться, ленясь.
Всё приспособлено к существованию: транспорт, дома, инструменты, любовь -
Вот и тела льнут к сопереживанию, соприкасаются, радуя кровь.
Ну, а кентавры?! Пещерами скованы, всем недовольны, джейранов гоняют.
Наши жилища у них забракованы, шерстью покрыты - наверно, линяют.
Можно представить, коллеги, конструкцию - если б, конечно, они захотели -
Ихних машин, выдающих продукцию, осуществляющих разные цели.
Скажем, троллейбус: сиденья отсутствуют, конный кондуктор даёт по билету,
Шепчет динамик, водитель напутствует всех заходящих, педалей же нету.
Там интервалы, наверно, огромные, как того просит целесообразность,
На остановке кентавры ждут скромные после базара, используя праздность.
К ним подъезжает троллейбус сияющий, двери широкие настежь открыты,
Заняты стойла, и, бег ускоряющий, дальше плывёт - вот такое корыто.
А на работе станки приспособлены, чтобы кентавры могли развернуться.
Тело такое скале уподоблено - ни заглянуть, ни присесть, ни нагнуться.

Были б пристанища схожи с театрами, а города раз в пятнадцать обширней,
Жизнь бы другими топорщилась кадрами - ближе планета, а космос - пунктирней.
Было б, наверно, не так многочисленно, как человечество, данное племя...
Даже представить мучительно мысленно бег миллиардов - Земли нашей бремя.
Если бы выглядел люд тараканами, было б удобно по многим причинам,
Были б троллейбусы с виду стаканами, женщинам верх, то, что ниже - мужчинам.
Быстро народ по местам расползается в несколько ярусов, для накопленья,
Шустрый кондуктор их усом касается, жаждет оплаты - долой промедленье!
Едет троллейбус дорогой извилистой, долго движение быстрое длится,
Только вот город чудной и обрывистый на стадионе вполне разместится.
Люди приехали к месту рабочему, ровно станки вдоль на стенах теснятся,
Даже вверху есть, где гнуться охочему, только усы перепутать боятся.
В прочных термитниках жили б все бдительно, лестниц не надо, и так заберутся,
Численность стала б у них удивительной, в космос взлетели б, чтоб там развернуться.
Мне почему - то дороже привычное тело удобное - видно, привык.
Пусть эта жизнь безнадёжно обычная, крепче держись за баранку, старик!

Путешествие

Я сегодня собрался в поход. Уж который мечтаю я год.
Пусть мешают земные дела, но свобода мне крылья дала.
Для чего мы на свете живём? В муравейнике киснуть живьём,
Иль поддерживать Божий букварь, как пытались философы встарь?
Однозначно, второе, дружок, и об этом мой бодрый стишок.
Говорила мне мама порой: может, в жизни ты и не герой,
Но фантазия радует дух, и топорщатся перья и пух.
Я её отпускаю в полёт - и она в жилы жар мне вольёт
Лихорадочный, странный, ночной, уводящий от ласки печной.
Бесподобна планета Земля. Космос метит орбиты петля,
От неё отрывается луч, к Солнцу падает - нежен и жгуч.
Вот Меркурий - планета чудес, где во мгле раскалённых небес
Жизни плазменной бродят огни - здесь хозяева всюду они.
Отражается близость звезды: излученье рисует холсты,
Приливная мотается рябь, поднимая тяжёлую зябь.
Парадоксами полнится мир - тяготенье корёжит эфир,
На обратных от Солнца путях его лик далеко не в гостях.
Оловянные реки текут, пробивая скопления руд,
И уходят в пучину коры по тоннелям - до лучшей поры.
В окружении огненных призм возмущается метаболизм.
Человек не способен здесь жить - на Венеру придётся спешить.

На Венеру спускаюсь с небес. Здесь могуч атмосферный процесс.
Придавил парниковый эффект горы, долы - и мой интеллект.
Жарко тут, но не так, как досель - крутят тучи свою карусель,
Поглощает планета лучи, им тюрьмой стала бездна печи.
Необъятны скопления туч. Наверху здесь прохладнее чуть,
И, возможно, так капли слились, что возникла бесспорная жизнь.
Средь кислотных дрейфует клубов исполинских амёб мутный плов...
Поглощают друг друга, растут, ничего не хотят и не ждут.
На высотах безмозглой среды изобилие вкусной еды.
Копошится любовный бульон - на Венере блаженствует он.
На поверхность спускаюсь легко, поправляя стальное трико,
Но слабы здесь земные дела - обожгло законцовки крыла.
Штормовые здесь дуют ветра, метр в секунду - и повесть стара.
Нависают чудовища туч, полусумрак гнетущий могуч.
Напряжением камни свело, углекислой волной опекло,
Подравняло веками рельеф, днями долгими блажь поимев.
Здешний чужд для меня катаклизм - возмущается метаболизм,
Но желание не сокрушить. Дальше надо, однако, спешить.
Межпланетный далёк перелёт. Мне на Марс надо - время не ждёт.
Пролетая орбиту Земли, шлю привет ей из страшной дали.
Здравствуй, Марс, сколько зим сколько лет!
Ты ведь внутренних будешь планет?
Напоследок на грунт опущусь и от этого чуть потащусь.
Из планет нашей группы земной наиболее Марс проходной,
Сносен температурный режим, атмосферы ослаблен нажим.
Нежный пух марсианская пыль, мир прозрачен, вокруг - полный штиль,
В небе Солнца искрится звезда, посмотреть не составит труда.
Из пространства легко разглядеть грандиозных неровностей сеть,
Рядом Фобос и Деймос летят, в одиночестве быть не хотят.
Здесь багровые рыщут кроты вечно в поисках редкой воды,
Подрывают могучий Олимп, не заметив божественный нимб.
Прорастает сиреневый мох, для него этот климат не плох,
Если тают полярные льды - монолиты углекислоты.
Наступила пора пыльных бурь - здесь такая в обычае дурь,
Атмосферу наполнила муть, и не глянуть теперь, не вздохнуть.
Мой обманут опять организм - возмущается метаболизм.
Полечу - ка я дальше, друзья, ведь затеялось дело не зря.
Уменьшается солнечный диск... Здесь реальностью стать может риск
Повстречать астероид шальной, неземною красою больной.
Здесь когда - то планета была, безмятежно в пространстве плыла,
Мощной цивилизации пульс наполнял её медленный путь.
Называлась она Фаэтон, и царил там железный закон,
Но разумных существ вожаки захотели сменить пиджаки

И нырнули в пучину войны. А ракеты их были сильны,
Развалили планету к чертям, на закуску невинным смертям.
Здесь теперь астероидов круг, по орбите размазанный вдруг,
И приходится чутко смотреть, чтоб куда - нибудь не залететь.
Там, наверно, сокровища есть, драгоценных металлов не счесть,
Оливиновый пояс хранил все богатства в шкатулках горнил.
Далеко на Юпитер лететь, есть на что по пути посмотреть.
Траектории внешних планет друг от друга всё дальше - и нет.
По - другому здесь чувствуешь путь: расстояний космических жуть
Приучает к своей глубине... С ней ты вместе - и наедине.
Вот Юпитер - планета - звезда. Это бомба, мои господа!
Половина всей массы планет в ней одной - вот величия бред!
На неё не посмотришь без слёз - атмосферу качает насос,
В этих вихрях исчезнет Земля, словно кобра - циклона петля.
Розовеет Большое пятно, три столетья не гаснет оно,
Диск приплюснут вращеньем шальным, по нему расползается дым.
Если трошки поглубже нырнуть, то назад можно не повернуть,
Защекочет метан, занесёт - и закончится в бездне полёт.
Металлический там водород, им живёт увлечённый народ.
Отрицательных температур весь набор в наворотах фигур.
Мириады несутся веществ, в них - границы ментальных существ,
И естественное колдовство оживляет здесь массу всего.
Пронесётся стремительный газ - и уйдёт оживление масс.
Изменяется лёгкая плоть - только душу не перебороть!
Над Юпитером службу несут сателлиты - уют создают.
Невозможно их все сосчитать, их семейство - гиганту под стать.
Неизменный летит Ганимед, Ио шлёт вулканический свет,
Пролетает Каллисто легко, и Европа висит высоко.
Я к Европе внимательней чуть - наш разведчик держал сюда путь.
Подо льдами там есть океан - новой жизни бродильный в нём чан.
Вот опять на душе пароксизм - возмущается метаболизм.
Что - то надо, пожалуй, менять... Срочно буду Сатурн догонять.
Мне теперь не опасен Сатурн, хоть и нрав его кажется бурн -
Сколько бурь я уже пересёк, что отмеряно - сердцем просёк.
Подлетаю с весёлым лицом и любуюсь роскошным кольцом,
Для которого космос подмёл этот колосс - порядок навёл.
Если смотришь Сатурну в торец, незаметно нияких колец,
Лишь на диске чернеет черта, в ней различные скрылись места.
Облетая планету вокруг, проворачиваешь грозный круг.
Не заметно движенья совсем, но палитра запомнится всем.
И бросается сразу в глаза, что от космоса и до низа
Очень много различных слоёв, перепутанных лесом краёв.
Словно грязи, тут спутников рать, это ж надо - всех вместе собрать!

Самый толстый - конечно, Титан, в мире спутников он великан.
Солидняк атмосферой блестит, тяжело по орбите летит,
А вокруг мельтешит мелюзга, не пропустит назад ни куска.
Сам Сатурн - он Юпитеру брат, чуть поменьше, но всё - же богат.
Есть и вихри в кудряшках седин, излученье далёких глубин,
И два красных прекрасных пятна, и приплюснутость тоже видна,
И тяжёл водородный металл. Я уже незаметно устал.
Возмущается метаболизм. Я хочу дальше - чтоб коммунизм!
Там Уран затаился в ночи - неизвестность скрывает ключи.
И не нужно ко мне приставать - мне ведь тоже на всё наплевать.
Вы считаетесь круче меня - но боятся все звери огня,
Опасаются кошки воды. Не порите, прошу, ерунды!
Не играйте, как с мышью, со мной - соблюдайте порядок земной!
На Уран я попал в первый раз. Отдыхает натруженный глаз,
Тормозит отмороженный газ, гаснут волны в сложении фаз.
Тут не к месту весёлый экстаз, тихо дремлет усталый Пегас,
Солнца свет уж заметно угас. Тут к большой параллельности лаз.
Всё размыто, туманно, легко, взгляд беспутный летит далеко
Или близко - ему всё - равно, ведь желанья угасли давно.
Над планетою кружит опять много спутников - больше, чем пять.
Здесь обычай такой: тот смешон, кто и спутников даже лишён.
Стал привычен мой идиотизм - возмущается метаболизм.
Я лечу, выдуваемый сном - заводной перепуганный гном.
Надо дело скорее кончать, мой Нептун меня хочет встречать.
Я к нему поспешу с ветерком, галактическим бризом влеком.
Весь Нептун - голубой океан, колыхается жидкий метан,
По поверхности ходит волна, как дика и огромна она!
Я бы яхту построил на глаз, но молчит замороженный газ,
Не подскажет, где взять материал. Я, как водится, свой потерял.
Остаётся кружить над волной неприкаянной пылью земной
И подсчитывать россыпи звёзд, в небе свивших колонии гнёзд.
Пролетает по небу Тритон, он один здесь, а звёзд - миллион,
Оживляет застывший пейзаж, тут ведь Солнце - лишь крошечный страж.
Возмущается метаболизм и сражается метаболизм.
Не прощается оппортунизм, поражается мой механизм.
Где же ты, ненаглядный Плутон? Как давно я лечу под уклон!
Мне тебя не хватает чуть - чуть, чтоб закончить свой призрачный путь.
Здесь провинция, Космос Большой, я стремился сюда всей душой
И теперь на планету сажусь, этим даже немножко горжусь.
Абсолютный здесь царствует нуль, и не скор пограничный патруль:
Два с полтиной столетья пройдёт, он пока круг орбиты замкнёт.
Тут могильного холода жуть, темноты и недвижности лють,
Каменея, чернеют хребты, нет различия в снах высоты.

И Харон, словно сумрачный тролль, татью кружится, пробуя боль,
Ну, а Солнце - простая звезда, может, ярче других иногда.
Вот порядочный делу венец: я усрался - таки наконец!
И теперь незаметен почти - только это недолго, учти!

Ведь не даром
(19.10.05)

Дул сильный порывистый ветер - я это мгновенно отметил.
Казалось, на целой планете лишь я и пронзительный ветер.
Холодного воздуха массы кидались растрёпанным лассо.
Прощальные осени пассы желтили косые террасы.
Деревья уныло шумели, прощаться с теплом не хотели,
Пространства далёкого цели свои доживали недели.
На склон я забрался сначала, где метео крепостью встала.
Смотрю: лупят ветра три балла по дальнему склону удало.
Задумав перебазировку, на велик взобрался я ловко.
Свою проявляет сноровку, он - важная экипировка.
Стоит предо мною проблема: подвластна ли дяденьке тема?
Ведь я не привёз сюда шлема, а падать придётся - зокрема.
Ну ладно, попробую сдуру - авось, не испорчу фигуру.
Задействую мускулатуру, советами пользуясь гуру.
Я велик под кустиком бросил, на вид - чтоб меня не матросил,
И вихрь меня сразу подбросил в холодное зарево. Осень!
Вдоль склона проход отработал, потом - поворот, и не в ротор!
С обратным проходом мне что - то пока не везёт, выпал с лота.
Опять поднимаюсь на горку и купола дыбится шторка.
Неси меня, ветер, настолько, вираж не испортить изволь - ка!
Я с ветром борюсь не на шутку. Чуть он отдохнёт на минутку,
Тяну я свою незабудку, чтоб встретить порыв, взмыв над круткой.
Чтоб здесь стартануть мне умело, в полсклона работаю смело,
И спорится клёвое дело, и носится родное тело.
Становится ветер сильнее... Посадка всё злей и больнее.
Чуть - чуть подожду. Вечерея, погода обычно слабеет.
Направо - бугор встал лобастый, подбрасывает на нём часто.
Мне это удобно - и баста, чтоб дальше полёт был зубастый.
А ветру не хочется в люлю - подбросил мне ветер пилюлю
Вновь куполом ветер ловлю я и в землю встреваю, рискуя.
Всё, хватит! Набрался! Дороже мне как бы не вышло, о Боже!
Спущусь - ка на травку я тоже, крыло подержу с кислой рожей.
Зелёненькой травки дорожки скрывают коровьи лепёшки.

А купол сдувает, как мошку, и Солнце заходит потрошку.
Никак у меня не выходит... А время к решенью подводит.
Сдаюсь! Ведь и дома неплохо: компьютер, сто грамм и жарёха.
Я еду, почти что усталый, и слепят водители фарой,
И путь до уюта не малый. А всё ж, день сегодня удалый!

Путь кольца

Хоббит как - то раз нашёл кольцо... Радость затуманила лицо,
Голый потерял его в ночи, как теряют бездари ключи.
Сразу жизнь пошла без суеты. Выполнял он светлые мечты,
Подвиги частенько совершал, даже и дракона раз прижал.
Только Гендальф - маг предупреждал, чтоб добра он здесь не ожидал:
Краденным был найденный предмет, много в нём людских таилось бед.
Выковал колечко Саурон, чтоб вокруг чинить большой урон,
Орков безобразных подчинил - но себе погибель причинил.
Палец с пламенеющим кольцом воин отрубил с больным лицом -
И разбился злобный Саурон о скалистый бесприютный склон.
Бильбо Сумкин этого не знал, жил себе, с колечком чуть не спал.
Сто одиннадцать минуло лет - и решил он взять другой билет.
Съездить он собрался на курорт, сделать заключительный аккорд
Там, где эльфы горные с вершин завершили поиски старшин.
А колечко Фёдору отдал - тот об этом даже не мечтал...
И пришлось довериться кольцу, долг распределился по лицу.
Страшные назгулы - палачи в этот час нацелили мечи,
Понеслись на бешеных конях в Саурону переданных днях.
Отыскать кольцо - такая цель... Фёдор капитально сел на мель.
Хорошо, хоть эльфы помогли, чудом жизнь парнишке сберегли.
Мегамеч пронзил ему плечо. Жизнь забилась в ране горячо,
На курорт попал он в тот же час, а назгулов смыло в унитаз.
Гендальф в это время не зевал, с Сарумяном шашни затевал,
Быстро убедился, что урод Саурону служит пятый год.
Сложно тут они разобрались и колдунством оба напряглись.
Только Гендальф взял - и убежал, словно Сарумян не возражал.
Снова все на стрелке собрались в месте, где утёсы чертят высь:
Федя с дружбанами, Гендальф - маг, ряд хозяев, гости - все ништяк.
Сели вместе - и давай решать, что ещё придётся совершать,
И такой пошёл разгул страстей!.. Только скуден мир без новостей.
Согласился Федя вновь идти - скучно, видно, стало взаперти.
Долг перекосил его лицо, заблестело золотом кольцо.
Набралось их девять человек: гондурасец, финн, грузин и грек,

Двинули за Федей по пятам - был он умудрён не по годам.
Сарумян же в зеркальце глядел, сбросить на цугундер их хотел,
И однажды вечером в горах сколдовал им просто снежный жах!
От него спаслись с большим трудом, в подземелье впрыгнув словно в дом.
Позади послышался обвал - осьминога мертвенный оскал.
Как тут страшно! Гендальф засветил посох, чем к движенью побудил -
Камни шевелились в темноте, шорохи чудились ещё те.
Шли они, от орков хоронясь, в схватках защищались, не ленясь,
И однажды возле родника встретили большого дурака.
Он махал руками - редкий хам, норовил забраться к потрохам.
Только финн стрелу ему всадил и коньки откинуть убедил.
А потом на каменном мосту свет багровый вспыхнул за версту...
Демона горящий исполин их почуял - и погнался, блин!
Гендальф был немного позади, встал у террориста на пути,
Всё колдунство бросил как об лёд - с демоном отправился в полёт.
Вышли все наружу как во сне, с горем каждый был наедине,
Но маршрут просил не горевать и тоску движеньем пробивать.
С гор они спустились в тёмный лес, местных эльфов вызвав интерес.
Только те, поняв, что тут свои, дали им по лодке за рубли.
Всё опять пошло своим путём, если не везеньем, то мытьём,
Только орки вышли как на грех - смертью храбрых пал строптивый грек.
Тут отряд серьёзно похудал: слушать старших Фёдор перестал,
Лишь дружбан, едва не утонув, в лодку проскочил, всех обманув.
Что ещё могу я рассказать?.. С дружбаном приятно зависать.
Только голый парень дробь метал и однажды утром их достал.
С ним они легко разобрались: “Вот петля на шее. Шевелись!”
Фёдор вдруг таланты проявил, приласкал - и Голый кайф словил.
Стал он им в пути проводником - был маршрут такой ему знаком.
Пусть болото киснет на пути - взялся за тридцатку их вести.
Тут мелиораторов бухих много тел в воде лежит плохих,
Трактора с бульдозерами ждут, дёрнуть за рычаг когда придут.
Плотно шли, хватало всем троим, всадник на драконе звал в экстрим,
Фёдор подскользнулся как - то раз, сразу Голый взял его - и спас.
В это время прочие друзья проводили дни отнюдь не зря:
К оркам в плен попали - а затем в лес от них сбежали насовсем.
Там их деревянный встретил ант, был он в том лесу почётный франт,
И они поведали ему всю свою чудную кутерьму.
Ант рассвирепел: “Гад - Саурон! Хочет лесу нанести урон!”
И решил собрать большой совет, чтоб решить, сдаваться али нет.
В это время двое и грузин знали, где разжиться на бензин,
Лишь одно давило на слезу: надпись непонятная внизу.
Вышли сгоряча они на след там, где орки кушали обед,
Гендальф к ним вернулся на коне, стали все готовиться к войне.

Там неподалёку был дворец, правил в нём правитель - молодец,
Водку пил, почти не просыхал и об орках вовсе не слыхал.
Жил у них там в падлу мужичок, засланный по виду - стукачок.
Водку всем бесплатно наливал, Сарумяну письма паковал.
Наш отряд угомонил его, водку вылил - только и всего,
А правитель сабелькой махнул и решил прославить свой аул.
Все у старой крепости сошлись, анты тоже к бою напряглись,
А навстречу им катилась рать - орки Сарумяновские, знать.
В это время Фёдор и друзья прыгали по скалам, как князья,
Норовили улучить момент, чтоб закончить свой эксперимент.
И часам, наверное, к пяти были им расчищены пути.
Орков разгромили в пух и прах. Так закончил путь бездарный враг.
Фёдор молча подошёл к печи. Там огнём пылали кирпичи.
С грустью бросил в пропасть он кольцо - и печаль испортила лицо.
А мораль сей басни такова: злостью ты наполнишься едва,
Как добро тебя и зашибёт. Что потом случится - не узнать.

Летчик

Свежий ветер налетел. Я на склоне - как хотел.
Прочный купол натянул и поднял его, взметнул!
За спиною у меня не какая - то брехня
- заводной парамотор свой заводит разговор.
Купол выставил сперва - как решила голова.
Разбегаюсь - по газам, отрываюсь к небесам.
Чуть замешкалось крыло, вдоль обрыва повело.
Впереди растёт верба - разойдёмся мы хиба?
Продолжая жать на газ, выполняю левый галс.
Чистый воздух впереди, параплан, меня лети!
Траектория моя ждёт, сюрпризов не тая,
незначительный подъём наблюдается живьём.
Точка старта свысока шлёт приветы мне пока,
но внизу плывёт уже плоть земли на вираже.
За спиной гудит мотор, выплывая на простор.
Всё огромнее земля, трактор в поле - словно тля.
Над оврагами кружусь, этим капельку горжусь и немножечко боюсь:
гляну вверх - и затаюсь.
Колыхается крыло, и сомненье ожило:
вдруг случится что - нибудь, будет быстр обратный путь.
Метров триста я набрал - и мерещится Урал,
гималайские хребты, антарктические льды.

Это где - то, не со мной, а со мной - полёт хмельной,
и свободы высота удивительна чиста.
В лёгкой дымке горизонт, а над ним -
небесный зонт, неземная синева для меня ещё нова.
Разглядеть бы НЛО! - как меня разобрало...
И руками я машу и подвеску тормошу.
Успокойся, дорогой! Или будешь ты другой.
Потихонечку рули в километре от земли.
Подо мной блестят ручьи, рощи тянутся ничьи,
золотые купола, водяные зеркала.
Тих воздушный океан, быстрый тянется обман.
Далеко пронзает взор переменчивый простор.
Замечательно лечу и уже почти торчу.
Вдруг мотор слегка чихнул, трепыхнулся - и уснул.
Братцы, ой, я не хотел! Я ещё не прилетел!
Сердце ёкнуло в груди - что такое впереди?
Я, когда ещё взлетал, о посадке не мечтал,
а теперь узнать пора, чем закончится игра.
В полновесной тишине ощущенья, как во сне.
Я скольжу в косых лучах с парапланом на плечах.
Наворачиваю винт - для сниженья лучший финт,
чуть подальше отойду - соображаю на ходу.
Важен правильный расчёт расстояний и высот.
Воздух тихо шелестит и сниженью не вредит.
Приближается земля, справа в роще - тополя.
Гну над ними поворот, против ветра чту заход.
Не промазать бы на склон, чтоб друзей не вызвать стон.
Между тракторов скольжу на зелёную межу.
Вот осталось метра три, вся ответственность - внутри:
не испортить красоту, подвести в конце черту.
Я клеванты чуть качнул - параплан мой тормознул,
а потом их отпустил - и опасно просадил!
При просадке сил расклад ускоряет аппарат.
Я над травкою скольжу, привиденьем выгляжу.
На посадку натянул все клеванты, соскокнул.
Ноги трогает земля, здрасьте, братцы, это я.

Реактивный полет

На гражданском аэродроме не мечтаем мы о броме,
Потихонечку летаем, дельталётами страдаем.
Мы приехали сегодня аппарат проверить модный -
Попытаться оторваться, чем он дышит, разобраться.
Но погодные умовы чересчур для нас суровы:
В купол ветры лупят сбоку, словно стая злых Хичкоков,
И поднять его - проблема, а лететь - совсем не тема.
Зря мы выехали, видно - неприятно и обидно.
Политучего команда рядом выставила ладно
Два борта “Л -29”. Надо что - то с ними делать.
Харьковчане не явились, подло самоустранились.
Ждут пилоты продолженья, чтоб исправить положенье,
С ними лестно пообщаться, как на небе помещаться,
И машины ждут знакомо реактивного подъёма.
Мы на них глядим украдкой, представляя вылет сладко.
Вот Владимирович вспомнил вихри молодости томной,
Как в училище учился, как полёт впервой случился,
Как в приборах разбирался, как инструктор с ним ругался.
Предлагает Политучий испытать удобный случай:
За пятьсот несчастных гривень пролететь, как гордый пивень.
Соблазнён я. Ладно, братцы, деньги есть - чего бояться!,
Полетаю над природой, помирюсь с дурной погодой.
Поздравляют все с решеньем, на высоты покушеньем,
Провожают в путь - дорогу и завидуют немного.
Я с Томилиным спокоен - с ним полёта удостоен,
Лётчик он, видать, от Бога, ведь у Бога с этим строго.
Вслед за ним сажусь в кабину, в пробивную половину,
С подвесной борюсь системой и слежу за взлётной схемой.
Сзади ожили турбины. Вспомнил жизни я былины,
Как на службе под Союзом в небо МиГи слал со вкусом.
Рулим мы неторопливо, взлётка дремлет сиротливо,
У неё сегодня праздник: подарил работу частник.
К исполнительному чётко мы приехали по взлётке,
И она вся перед нами на безлюдной панораме.
Мне наушники сказали, что загружены педали,
Набираем обороты, ожидают нас высоты.
Разгоняется машина под влияньем керосина,
Чу! - 140 километров - оторвались незаметно.
Под крылом перекосилась, за туманы попросилась

Вся земля как на ладони в пилотажной этой зоне.
Поворот проходим первый. У меня стальные нервы!
Я расслаблен и спокоен, замечательно устроен.
Самолёт весьма подвижен, шум мотора еле слышен,
Нужен он для подключенья пилотажного теченья.
По наушникам Томилин комментировать мобилен
То, что с нами происходит - опасения отводит.
Говорит он: “Это - бочка, в чистом небе одиночка,
И ещё одну - налево крутану для обогрева.”
Самолёт чуть приподнялся - акробатикой занялся,
И земля мне показалась, над макушкой оказалась.
У меня упала матка, ставлю вновь её обратно,
За ремни держусь сурово... Я доволен - не то слово!
Мне пилот наш предлагает ощутить, как он летает:
Ручку взять без промедленья и отслеживать движенья.
Не могу с ним согласиться - так ведь можно и разбиться!
Я привычный к дельтапланам, здесь же выгляжу бараном.
Высота - полкилометра. Самолёт умел у мэтра.
Скрылась гладь аэродрома, к западу летим от дома.
Я потом уже подумал: что ж ты, братец, был угрюмый?
На петлю не попросился - может, он бы согласился!
Что - то стало мне неловко - потерял ориентировку,
Где квадрат аэродрома, не пойму под крышкой шлёма.
Проплывает снизу местность, незнакомая окрестность.
Я потом уже подумал: с Абазовкой связан юмор.
Время быстро пролетает для того, кто залетает,
Вот уже мы на глиссаде, и полёт почти - что сзади.
Наконец увидел взлётку, и кроссовки бьют чечётку,
Как она в полях прекрасна, совершенно не опасна!
На посадке я спокоен, на скольжение настроен,
Самолёт несётся боком, ветер сильный - сносит током.
Мы поверхности коснулись, побежали, развернулись,
Зарулили на стоянку. Эх, теперь сто грамм бы в банку!
Улыбаются ребята - буду я теперь крылатым,
Фотография на память... Здрасьте, можно к вам причалить?

Разнообразный летчик

Я просил “добро” Крючкова на моторе полетать
- ощущения такого стало в жизни не хватать.
Только “Батя” не уверен в лётных качествах моих
- мой “загашник” не измерен, хоть желанья - на троих!
Мы не часто выезжаем, да и тут лишь месим пыль.
Восемь лет летать бажаем... Пусть сейчас прервётся штиль!
Если всё опять сорвётся, станут вновь мариновать на подлётах,
словно поца. Нет, такому не бывать!
Вот уже Сергей Борисыч отработал виражи, и Владимирович
- “Бризыч “ раздвигает рубежи.
Возвращаются пилоты на земную, в общем,
твердь, в них пульсируют высоты, и без воздуха им - смерть!
Ну, а мы с Серёгой - младшим притаились у кустов,
смотрим с болью взглядом падшим... Я уже на всё готов!
И - свершилось! - наши взгляды души тронули друзей.
Мне создать возможность рады, только скажут: “Не борзей!”
Я залез в сидушку ловко, за трапецию держась, и главнейшая уловка
- с головой наладить связь.
Загудел мотор певучий, точка старта ждёт меня.
Пусть не гордым будет случай, от опасностей храня.
Аппарат застыл на старте, выжимаю полный газ.
Ощущение азарта - это праздник, здесь, сейчас!
Метров сорок для разбега - я удачно похудел.
До свиданья, брат - коллега, я, однако, полетел.
Чуть трапецию подвинул - раскрывается земля,
уходящему светилу посвящаю вензеля.
Мне восьмёрку бы забацать, траекторию замкнуть,
на глиссаду не промазать - в поздравленьях утонуть.
А пока лечу мобильно - бдят подсолнухи внизу,
левый крен держу стабильно, удивляюсь на красу.
Позади высоковольтка с западнёю проводов,
рощи выстроились чётко далеко от городов.
Прохожу над точкой старта перпендикулярно ей.
Эх, сейчас б восьмое марта - стало б трошки веселей.
Наслажденье от полёта в сеть напряга проросло
- в жизни важное с налёта часто ставится число.
Приблизительно на двести метров я уже залез,
и скажу без лишней лести: ощущается прогресс.
К высоте уже привычный, пилотирую подряд,
набираю опыт личный: как ведёт себя снаряд.

Там, внизу, сидят ребята и машина,
как модель, здесь же в зареве заката происходит карусель.
Мне теперь направо надо, чтоб восьмёрку завершить,
и небесная громада хорошо желает жить.
Интересная задача:
если влево дельталёт поворачивал с подачи, то направо сам идёт.
Мне приходится с опаской успокаивать его,
и рука на вывод вязко караулит “до того”.
Крен опасный и азартный завораживает кровь.
Я планирую обратно, к точке старта тянет вновь.
На глиссаде и на курсе нахожусь уже давно,
и, хотя не тёрся в бурсе, знаю, сяду всё равно.
Замелькала сбоку пашня, доворачиваю чуть
- не по мне такие шашни: от удара вздрогнул путь.
Я рулю уже спокойно, вот родные тополя.
Отлетал, кажись, пристойно... Здрасьте, братцы! Это я!

Полет

Дельтаплана крыло вдаль меня унесло
От подножья холма. Жизнь, успех, кутерьма -
Далеко всё внизу. Я - иду на грозу.
Мимо солнечный луч прямо с облачных круч
Наполняет эфир, в струнах солнечных лир
Я бесшумно парю и, смеясь, говорю:
“Здравствуй, чудная высь! Надо мной распахнись
Сфера синих шаров!” Сбросив тяжесть оков,
Я взлетел высоко. Подо мной глубоко
Проплывает земля, реки, рощи, поля,
Сквозь раскованность линз мир прозрачен и чист.
Чистый воздух высот белый парус несёт
Средь громад облаков в неподвижность веков.
Как легко мне летать! Невозможно устать
В этом сказочном сне, вдруг пришедшем ко мне...

Открытие сезона

У нас сегодня первый выезд - простор зовёт, как ясный Финист.
Зима прошла, весне дорогу! - стремимся въехать понемногу.
Нас медосмотрами пугали, мы повреждений избегали,
Своё здоровье укрепили, не прокурили, не пропили.
Оно понадобиться может, крыло на склон поднять поможет,
Коль пролетим над ним умело до максимального предела.
И вот я, кажется, дождался, и день воскресный вмиг ужался,
Когда мы выехали дружно. Всё остальное нам не нужно.
Был ветер встречный на подъёме, и облака плыли в объёме,
Небесных троп столоверченье предотвращало огорченье.
У нас товарищи на взводе, мечта летать не дремлет, вроде...
Ведь каждый хочет отличиться - должна попытка получиться!
Пускай полёт в секунды сложен - он весь в умение уложен.
Нам под крылом совсем не тесно, подвеска, купол - всё чудесно!
Собрать крыло хотим до срока. И ветер с северо - востока
Расправит клин его над склоном. Нас позабавит он с поклоном.
Троса сводя в одну фигуру, не пропуская дня натуру,
Сосредоточенно мы шутим, но гайки не на шутку крутим.
Два наших друга - ветераны, салаг учить крутые фаны.
Нам их советы как прозренье - влияет на мировоззренье.
Сергей Борисович упрямый всегда блюдёт свою программу,
Что подтверждается на деле. Она поможет нам в пределе.
Крутой Владимирович тоже всё пробивает так, как гоже.
Его характер компанейский настроит дело по - армейски.
Вред ощущая перерыва, мы не спешим на верх обрыва -
Хватает горок у подножья, чтоб не страдать в дальнейшем дрожью.
Мы все попробовали снизу, чтоб уточнить потоков шизу,
Своё проверить настроенье: кого порадует везенье?
Ну, а потом всё закрутилось, душа потоками напилась...
Мы стартовали с верхотуры одним рывком мускулатуры.
Бывало, старт не получался - разбег с порывом не встречался...
Крыло заваливалось набок, вновь повторить попытку дабы.
Когда ж движенье совпадало, и силы ветреной хватало -
Тогда выпаривали чётко, восторг выстукивал чечётку.
Важно в полёте управленье, крыло послушно лишь в движенье.
Не потерять бы, братцы, скорость себе и обществу на корысть!
Нас было четверо курсантов, своих наклонностей гарантов.
Не всё сначала получалось, но наважденье не кончалось...
Я стартанул походкой краба, пройти над склоном дальше дабы.
Меня подхватывает ветер и мне привычны взмахи эти.
Плывут внизу изгибы склона, над ними я - для эталона.

За кромку ветер не сдувает, лишь выше к небу выдувает.
Чтоб в поворот войти удачно, я зажимаю ручку смачно,
Потом веду вперёд и вправо - порхаю так, как мне по нраву.
Когда ж вываливаюсь с лота, подальше сесть - мечта пилота,
И управленье балансиром поддержит скорость - вот в чём сила!
Как говорят: кататься любишь - люби и саночки возить!
Своё здоровье не погубишь, тащи крыло - и не бузить!
Вот и обед. Ковёр разостлан, боеприпасы на мази.
Мы все вокруг расселись пёстро, всё так, как нужно на Руси.
После обеда - снова старты под управлением азарта.
Мне стартануть разов бы десять, а там - придётся силы взвесить.
Наступит день, и на моторе взлечу я в ветреном просторе,
И поплывут внизу пейзажи, и стану я известным даже.
Мы собираемся в Полтаву, день позади - прошёл на славу.
“Москвич” несёт нас сквозь поля... Привет, родная, это я.

Трансформер

День сегодня чудесный. Полёты у нас. Заготовлен бензина серьёзный запас.
Все ребята пришли, им назад не свернуть. Грузим парус, тележку, друг друга - и в путь.
Круто моторизованный наш атаман, нас везёт в “Москвиче”, оседлав автобан,
И уменья ему, кстати, не занимать, он привык дельталёт в небеса поднимать.
Рядом с ним наш инструктор бессменный сидит, на дорогу задумчивым взглядом глядит.
Объяснит нам ошибки, покажет пример... Он к полёту готов, как к борьбе пионер
(Разработал теорию новую он: чем длиннее полёт - тем приятнее сон).
А на заднем сиденье сидят невзначай (полетать захотел - так вот на, получай!)
Костя, Саня, Серёга - военный портрет. Я четвёртым хотел, только места как нет.
И поэтому я покажу велоспорт, по сравненью с которым полёты - курорт.
Вас почти догоню, но наглеть мне нельзя: вы с мотором огромным, а я - полконя.
В чистом поле цветут васильки и герань, нас сюда привезли в несусветную рань.
Поле деятельности, над ним - облака, и пучина небес велика на века.
Соберём дельталёт компетентным гуртом, самый умный - наверх, крепит купол болтом,
Проверяем контровку, развод проводов - и, похоже, наш лайнер к полёту готов.

Наш мотор без проблем застучал - молоток! Костя встал за винтом, чтоб понюхать поток.
Ветер встречный, пять метров, и время не ждёт - и Серёга уходит на пробный полёт.
Вот взлетел он легко, развернулся вдали, помахал нам крылом, мы ему - как смогли.
Не сберёг он себя, зря в пилоты пошёл! Ведь в танкистах бы было ему хорошо.
На разведке погоды, проверке систем равных нет. Интуичит он быстро совсем.
На больших и на малых высотах летал и не разу, тук - тук, никуда не попал.
Был недолгим полёт, всё спокойно вокруг. С разворота садится, попробовав круг.
Нам расскажет про ветер, поля и мотор - и захочется тоже потрогать простор.
Можно мне полетать? Я на “Спорте” хочу! Ведь сегодня - мой день, мне полёт по плечу!
Ладно, можешь лететь, но недолго, смотри. Наверху будь примерным, не очень дури.
Раздаётся команда: “На старт! От винта!” И теперь моя жизнь не земная, не та...
Сзади мощно взревел приручённый мотор, создавая винтом максимальный напор.
Начинает разбег мой родной аппарат и колёса стучат о дорожный накат.
На приборе 110, пора бы на взлёт. От себя рукоять - начинаю полёт.
Дельталёт оторвался - парирую крен, ручку чуть на себя - я продвинутый мэн.
Разгоняюсь на метре - уходит земля, боевой разворот и косая петля.
В небе двигатель песню победно поёт, я открыт всем ветрам - это славный полёт!
Под ногами плывёт, раскрываясь, пейзаж, мне на небе удобно, знаком пилотаж ,
А в душе заиграл пролетарский кураж.
Захотелось прощупать, чем жив аппарат: если он затрещит - буду сам виноват.
От себя рукоять, максимал - на мотор, и пока не свалюсь, не оставлю набор.
Дельталёт зашатался и носом кивнул, завалился направо, к земле сыпанул.
Я трапецию мёртво зажал сгоряча, чтоб не сильно нуждаться в услугах врача.
Хорошо, что набрать высоту я успел... Плоский штопор выводит на крайний предел.
Только скорость - спасенье, давлю на рули... Дельталёт покорился у самой земли.
Испытать умудрился я каверзный стресс... Но не может легко быть достигнут прогресс.
Подбери для набора нормальный режим! Был бы угол атаки не слишком большим.
Потихоньку опять я скребусь в высоту и точу, не ленясь, мастерство на лету.
Я почти - что лежу, взгляд застрял в облаках, и трапецию ровно сжимаю в руках.
Паутинки летят, воле ветра верны - я их с правой всегда обхожу стороны.
Подо мной глубоко замер птичий косяк, а до неба остался какой - то пустяк.

На такой высоте мне не нужен мотор. Я лечу в тишине, поглощая простор.
Надо мной гибкий парус, подвеска прочна, а земля, словно карта, наглядно точна.
Мне бы термик найти и повыше взлететь, с облаками поспорить, спираль повертеть.
Подлетаю поближе - бросает поток, в жилах адреналин и восторга цветок.
Вот на облачной кромке решил я блеснуть... Не играйся с огнём - здесь легко утонуть!
Затянуло в туман - неудачный каприз. Стало скучно не знать, где же верх, как же низ?
Здесь встречаются ветры, искрится заряд, турбулентность вздымает туманный наряд,
Под негаснущим светом небесных светил открываются жерла загадочных сил.
Вот свирепо крутнуло, свело пополам - рановато себя приравнял я к орлам.
Выпадая из туч в вертикальный прострел, вспомнить бабушкин пудинг ещё я успел.
Я в отвесном паденье слегка отдохну, спать не буду, лишь гнёт утомленья стряхну,
А потом разверну над землёй параплан - вновь неспешно лечу, сам себе капитан.
В параплане удобно, як дядько, сидишь. Лишь коровку подоишь - и прямо летишь,
Но и тут нужно думать, морщиня виски, чтоб красиво лететь, не страдать от тоски.
Одуванчиком снова лечу в тишине, сухо, глухо, безмухо и весело мне.
Снова надо искать восходящий поток, снова в кайф отлетать, не стыдясь, на восток.
Я лениво гляжу вниз и по сторонам: где там хлопцы? А гости - не прибыли к нам?
(Был бы с ними - налили б, наверно, сто грамм)
Воздух нежно несёт - но одна есть напасть: в тот красивый лесок как бы мне не упасть.
Не заметил я сам, как меня понесло... Я в десятку попал - есть такое число.
Метров десять в секунду - мельчает земля, и клеванты тугие заместо руля.
На невидимом лифте в прозрачном столбе без задержки взлетаю в невольной мольбе,
Возвращаюсь туда, где в прохладной глуши наливаются тучи и нет ни души.
Высоко я забрался - и мне хорошо. Подходящее место себе я нашёл.
В спину миниатюрный толкает движок. Здесь прохладно уже - пролетает снежок.
Незаметен полёт на такой высоте, я повис над планетой во всей красоте,
Хоть движок тарахтит - не сдвигаюсь совсем... Надо что - то решать, не касаясь проблем.

Позади и внизу пелена облаков, воздух щёки морозит - здесь без дураков.
Мне б погреться сейчас - я взываю к Творцу, и кабина “Сухого” вполне мне к лицу.
ТензоРУД под рукой и на РУСе рука - пробиваю косматые я облака.
По приборам всё штатно, мишень вдалеке, мне она не нужна - я в глубоком пике.
Через восемь секунд подлетаю к земле, у руля направленье и сила - в сопле.
Разгоняюсь на бреющем, рядом сверхзвук, фюзеляж и консоли гудят от натуг.
Вот на “кобру” я вышел и тяжесть растёт, тормозится плашмя боевой самолёт,
Лихо перевалился, включаю форсаж, выполняю предельный надземный вираж.
Свежий номер программы - звенит вертикаль, в синеву я упал как дамасская сталь
Километров на 30 - и хватит пока, космос рядом и прорва его глубока.
На сверхзвуке иду - вот три Маха уже, километров под 200 теперь в вираже.
Понимаю: Земля - наш космический шар, где пока нам легко, несмотря на базар.
Что мне делать теперь - я и сам не пойму. Для чего самолёт? Ты скажи - почему?
А попробовать можно - лететь без всего, самолёт не терзать, не калечить его?
Удалось! Мановением мысли лечу! Мне любое желанье теперь по плечу!
Научиться осталось совсем не дышать, чтоб полёты к Сатурну я смог совершать.

ДельтаКуб

Не выгоняйте, братцы, меня из клуба! Работать буду часто, светло и грубо.
Когда мы выезжаем летать за город, над нами реет гордо наш серп и молот.
Наш аппарат красивый готов к полёту, его мы попросили сберечь пилота,
Его мы зашиваем зимой и летом, и он нас поднимает над белым светом.
Свободно он порхает в воздушных струях, поток его бросает, нам кровь волнуя.
Фигуры пилотажа нас утешают, немного эпатажа не помешает.
Люблю я приземленье на ветки дуба, такое приключенье нам чистит зубы,
Когда ж стальное сердце ему мы вставим, он нас прокатит с перцем под небесами.
Земля в прозрачной дымке уходит книзу, приветствую с улыбкой тропу каприза.
Сдвигаю ручку влево - скольжу конкретно, и бездну ощущаю - живу перфектно.
Пал Палыч и Серёга - гиганты мысли, мы тоже в окруженье ещё не скисли.
Созданье аппарата легко и просто: не ведает зарплаты, не знает ГОСТа.
Ребята создавали матчасть умело, за Родину страдали, за наше дело!
Не даром залезали в подвал вонючий, чтоб гордыми тузами взлететь под тучи.

Перворазник

Взлетел - пробел. Вспотел и сел. Хотел всех дел, но в мел не смел.
Мотор - в набор, Егор не вор. Простор как с гор, дозор хитёр.
Друзья, где я? Струя в меня! Возня - фигня, свет дня - родня.
Трясёт, несёт, сосёт - не в счёт. Расчёт - в зачёт, просчёт печёт.
Лечу - торчу, хочу к лучу, кричу грачу, шучу врачу.
Полёт такой крадёт покой, лишает сна - в душе весна!

Облака

Плывут в воздушном океане, клубясь над миром, облака,
Стелясь кусками серой ткани, земли касаются слегка.
Их Солнце выпукло рисует в аквамарине горних сфер,
И кручи дальние пасуют пред крутизной небесных шхер.
Монументально - мимолётны воздушных замков корпуса,
Застыли, сказочно - дремотны... Но изменяется краса.
Вот возникает чей - то профиль, болонка белая в снегу,
На землю смотрит Мефистофель и зверь, летящий на бегу.
Идёт на сцене представленье, непостижима, рыщет мысль,
И лишь людские впечатленья им придают какой - то смысл.
Дела людские скоротечны, над ними встали облака
Напоминанием о вечном, о чём - то большем на века.
Подумать только, так же точно и миллионы лет назад
Полёт их ветреный бессрочный тревожил динозавров взгляд!
Я пролечу меж круч небесных, позолотят меня лучи,
Воткнусь в зазор ущельев тесных, где бьют туманные ключи.
Вверху - бездонная пучина и звёзд полуденный салют.
Внизу - земная кирпичина, места, где нас, возможно, ждут.
На вираже меня вбивает в километровую грозу,
Одежда сразу намокает, и влага виснет на носу.
Я потерялся не на шутку! Разряды бьются вдалеке.
Пора смываться на минутку, пока летаю налегке.
На Божий свет рождаюсь снова, опять прозрачны облака,
Лишь туча хмурится сурово. До встречи, милая! Пока!
Гроза прошла, и близок вечер. Блестит умытая земля,
Её ласкает тёплый ветер... Там скоро снова буду я.
Под вечер длинными рядами над горизонтом высоко
Они лежат, лоснясь местами, и время движется легко.
Их Солнце освещает снизу багрянцем, золотом, теплом,
Вечернему подвластны бризу... Пусть будет ночью сладок дом!

Изыскательность желания

Конно - спортивная авиация очень общего назначения -
Это, товарищи, просто грация и особенность получения.
Я полетать хочу! Как мне нравится звук пропеллера, чуткость купола,
Помощь товарищей, что управятся с неисправностью вместо ступора!
Чувство прекрасное - удовольствие! Замечательна цель пилотская,
Но гадит разное, и спокойствие вдруг уменьшилось - дело плотское.
Подло испортился снова двигатель - как подстроили покушение.
Так разохотился..., но заплыл на мель, плохо ждать в пыли улучшения.
Хлопцы подъехали, покумекали - вновь наладили вещь капризную.
С прочей помехою, подравняв рули, справлюсь без возни, с укоризною.
Я разгоняюсь вновь и приподнято дыблю дельталёт от поверхности.
Стынет приятно кровь - но щось отнято... Слишком труден мёд неизвестности.
Скоро всё сделаю, снова вылечу, твёрдо всем скажу, что летать рождён.
Как там с заделами? Аппарат хочу, чтоб для куражу был мне отведён!
Завтра - день парковый. Хлопцы встретятся, будут тщательно устранять беду.
Только вот с явкою мне не петрится - обязательно в гости я иду.
Кстати, о лошади. Это здорово - на скаку залезть в аппарат чужой!
Если на площади ветер в голову, рысь и взлёт - как честь для мечты большой.
Нет, так, наверное, не получится просто потому, что не может быть.
Лошади скверные - долго мучиться. Лучше посему плотоядным жить!

Утро

На кого ты похож?!..
Комбинация кож, рифм, кишок и костей всевозможных мастей.
Пожеланий пустых и желаний простых, застарелой журбы, одинокой борьбы.
Миллиарды людей ждут хороших вестей.
Собери розы в пук с окровавленных рук.
Миллиард - это как? Это много, чудак.
Это словно хребет покорений и бед.
Преклони свой курзак, всё пребудет тик - так.
У подножья хребта положи пук с куста.
А потом пробеги до ближайшей реки.
Чистый горный поток смоет беды, браток.
Подымалась заря...
Всё на свете не зря, всё на свете не зря - и поднялась заря.
А я вот он, я вот.
Мускулистый живот, кровь по жилам течёт. С добрым утром, народ!

Волшебник

Если бы я был волшебником, я бы сделал так:
Всем бы раздал по учебнику, знали чтоб ништяк,
Что:
Нехорошо безобразничать, убивать людей,
Да ещё при этом важничать: я, мол, не злодей.
Портить морально - физически, делать мир больным.
Это - вопрос риторический: как не быть дурным.
Необъяснимо предательство, мелкая возня,
И над больным издевательство тоже делать зря.
Парус другим искалечивать - дырку пробивать.
Мысли дурные засвечивать, еби его мать (впрочем, наплевать).
Лишнее вдруг переплачивать, дома узнавать.
Жизнь свою, брат, укорачивать - водку выпивать.
Если бы всё это выполнить - стало б хорошо,
Так, что боязно и вымолвить: сглазишь тут ишшо.
Мы бы тогда бы, товарищи, сделали в краю
Всем мужикам по влагалищу, соответственно, дамам - по хую!
Мне бы волшебную палочку - натворил бы дел...
Взял бы фанеры на "Галочку" и бы улетел.

Пробежка

Пробегусь - ка я немножко, физзарядки выпью ложку, ощутю былые силы, солнце мне посветит мило.
Провалитесь вы в Бутырку, сигареты и бутылки! Жизнь дурацкая такая, нехорошая - плохая.
Проплывает под ногами, запылёнными бегами, всевозможная поверхность, в чьей епархии окрестность.
Вот пошла пересечёнка за асфальтовой плетёнкой: травянистые укосы, водяные купоросы.
Я чего опять забегал? Знаменита светом Вега, многочисленные звёзды рассыпают в небе грозди.
К ним душа моя стремится, по ночам порой не спится, пусть меня на срок не хватит - буду бегать, если катит.
Мотивация осталась, видно, что - то там не сдалось. Покурю сейчас немного - и обратно в путь - дорогу.

Прогулка Полтавой

Змеится у порога землистая дорога. На лестнице подъезда не буду ждать наезда.
У прохожих на виду я дорогу перейду и пойду вперёд легко вдаль, где светит солнышко.
Мне в дороге хорошо, предрассудков я лишён. Если рядом чёрный кот, обгоню его я, вот.
Иномарки на пути, интересно их пройти - снова новая модель, я такую же хотел.
Много в городе людей, вы докуда и откель? Посмотрю я им в глаза и прищурюсь два раза.
Сквозь подземный переход быстро движется народ. Вслед за ними я иду, улыбаясь на ходу.
У пожарников часы регистрируют часы. Выхожу на белый свет - у студентов свой портрет.
Областной больницы стен я достиг без перемен. Корпус раковый застыл жутким призраком могил.
Рясно яблони цветут... Жизнь красуется и тут. Полдень бьют колокола - та пора давно прошла.
Двухэтажные дома - услаждение ума... Улиц заводи тихи, утонули в них стихи.
Тело Ленина стоит, словно каменный гранит. Любят голуби его, ну, а нам не до того.
Был бы Ленин не такой - был бы кто - нибудь другой... Срам прогнать не удалось, чистить нам, как повелось.
Долго я уже иду, сочиняю ерунду... Краеведческий музей вот приветствует друзей.
Музыкальный поворот всем училище даёт, а напротив врос в забор Спасский памятный собор.
Я к беседке выхожу, на окрестности гляжу. Хороша, Полтава, ты, в днях весенней красоты!

Милая

Твоя небрежная походка, твой голос звонкий и задорный,
Уменье жить без затруднений, на место ставить тех, кто против,
Твой гибкий стан, сиянье жизни в очах насмешливых и мудрых,
Твоя уверенность в успехе... В тебя гляжу - и верю в счастье!

Ностальгия

Жёлтая дорога! Я по ней ходил. Шлёпал босоного, душу бередил.
Ждал на горизонте Изумрудный град. Было как на фронте сорок лет назад.
Испытать немало довелось в пути... Иногда, бывало, жались взаперти.
Тигров саблезубых бешеный налёт, страшных толстогубых обезьян полёт.
Маковое поле усыпляло нас, но, по доброй воле, шли, как в первый раз.
Ну, а самым главным было волшебство. Как светилось славно детства естество!
Унеслись далёко детства паруса. Жизнь глядит жестоко прямо нам в глаза.
Всё ты что - то должен, непонятно, что, словно волк, обложен в цирке “Шапито”.
Норовят обидеть, обогнать, толкнуть, коль не хочешь видеть медленный свой путь.
И опять под вечер ты уходишь в сны. Там надёжны плечи и дела ясны.
Силы восстановишь за короткий срок, душу приготовишь получать урок.

Книжки, которые в детстве читал, я вспоминать до сих пор не устал.
Карик и Валя, Карлсон и Малыш, Маугли гибкий, Незнайка - крепыш,
Зайка - зазнайка, Малеев Витёк - мир, из которого я проистёк.
Бродит Алиса в зеркальной пыли. Руки родителей, голос вдали...

Танго

Трусики “танго”... Звуки “фанданго”, знойные тени, радуги в жмени.
Лето в разгаре, люди в загаре, листья трепещут - девушки блещут.
Смелые взгляды, кажется, рядом, дерзкие речи, хрупкие плечи.
Тонкие брючки, волосы в кучке, нежные пальцы дня не боятся.
Женские штучки вроде липучки, стукнут по взору - тут не до вздору.
Вот и подруги, стройны, упруги, шуткам смеются - как не коснуться?
Кажется, дама млеет от срама. Смотрит солидно, словно не видно.
Нам и не надо чистить их взглядом. Сами прижмутся, не обожгутся.
Солнышко светит, в яблочко метит, ждут иномарки новой альтанки.
День происходит весело, вроде, дальше гуляю, жизнь разделяю.

Сказка

Далеко - далёко, за горой высокой жили - были люди в чётком ритме буден.
Рожь они сажали, живность содержали, плавили железо нужного им веса.
Храмы создавали, думать успевали. Подвиг на работе был там не в почёте.
Для себя трудились, памятью гордились. Дикие идеи не сгибали шеи.
Все политиканы уважали планы - было сил в достатке смазывать им пятки.
Если труд спокоен - отдых ладно скроен. Лучшие театры раскрывали карты.
Рокеры трудились, космосом гордились, каждую неделю прыгали и пели.
Люди богатели, как они хотели, ездили по свету, щупали планету.
Ночью, и не только, знали, что поскольку. Чувствами делились, в спальнях не ленились.
Нам бы так, пожалуй. Только путь немалый... Слишком много брака и бесплодна драка.
В прошлом недалёком верили пророкам, общему марксизму - и поймали клизму.
Но ведь мы же люди! Путь опять наш труден... Снова лишь потомки будут жить без ломки.

Велопрогулка

Натяну я утром цепь и поеду прямо в степь, на минутку отлучусь - чистым полем прокачусь.
Заслоняет круча даль - жму сильнее на педаль. Руль по змейке поверну, лужу с жабой обогну.
В чистом поле ковыли серебрятся вдоль земли, и озимые взошли, яровые превзошли.
Вдоль посадки еду я, поворотам следуя. Бархат утренней листвы гладит череп головы.
Сквозь зелёную траву предаются торжеству всякой мелочи дива - насекомая братва.
В небе солнышко стоит, облаками шевелит, греет всех, не торопясь - высыхает сразу грязь.
Трактор в поле дыр дыр дыр, видно, занят командир. Позади снуют скворцы, червякам клюют концы.
Я доехал до ставка, рыбаки пасут клевка. По воде гуляет рябь, а внутри спокойна хлябь.
Отказали тормоза, скучно ехать до низа. Руль втыкается в бугор, искупаться не позор.

Воспитание

Я выхожу из дверей общежития. Ночью шёл дождь - и асфальт очень мокрый.
Днём наступающим зреют события, в окнах жильцами украшены стёкла.
Свалка на улице плещется озером, ходят вороны, а, может, пришельцы...
Эх, підгорнуть бы её бы бульдозером! - это хорошее мэрское дельце.
Бабка стоит впереди с сигаретами, бизнес кустарный, но людям потешно.
Час простоит, и, собравшись с монетами, движется к дому походкой успешной.
Мимо троллейбус ползёт угрожающе, чувствуя ненависть к велосипедам.
Люди глядят на него ожидающе, я ж однозначно на нём не поеду.
Небо испортилось над головою, тучи чреваты, а зонтик накрылся.
Жизнь разделяется передовою - вот где собака, наверно, порылся.
Дальше иду, дохожу до базарчика, путь совпадает с желаньем рабочим.
Людям вокруг не хватает подарчика - ждут и волнуются очі дивочі.

Новая Смерть

Перед своею кончиною, наедине, брат, с пучиною, свет разделяя с лучиною, будь настоящим мужчиною.
Тело твоё перекосится, жить как угодно попросится, только душа вот уносится, в прошлое больше не косится.
Всё, что по жизни случается, в это мгновенье кончается, новое не намечается, старое не огорчается.
Смерть создаёт поколения, складывает изменения, жизни другой повеления не принесут замедления.
Сколько в земле наших косточек! Столько же на небе звёздочек. Определяет напёрсточек, где мы проснёмся из досточек.
Вот мы летим в бесконечности, в первой свободной беспечности, здесь прикасаемся к вечности, странной её быстротечности.
Чувств незнакомых включения в нас открывают течения, и не имеют значения старого тела мучения.
Атомы материальные шлют нам приветы прощальные. Это вибрации дальние, радостные и печальные.
Призрачны здесь расстояния, цельность несёт мироздание, и дальнодействия мания соединяет заранее.
Мира извечные правила мудрость начальная правила, от нестыковок избавила, прочные сети расставила.
Заново здесь мы знакомимся, промеж других не сторонимся, за наслажденьем не гонимся, запоминаем и молимся.
Лишь иногда паразитами лжи бывают забитыми, но да не будем сердитыми - им тоже быть надо сытыми.
Милость Твоя неизведанна. Мы озираемся преданно. В этих просторах сияющих

Возраст

Наступила грустная пора - старшее уходит поколенье...
Позади у всех своя гора, шрамы и грехи преодоленья.
Исчезают те, кого любил, кто не далеко был и не близко,
Все "за что продал, за то купил", кто заставил раздражаться низко.
Исчезает весь привычный мир, родились в котором и взрослели,
Только память бережёт пунктир - пусть не заметут её метели!
Я на пожилых смотрю людей - маловато сил в телесных путах.
Жизнь добрей, серьёзней и мудрей, но они уже в пяти минутах.
Мне они по духу дороги, общие у нас воспоминанья,
Их успокоённые круги уменьшают холод мирозданья.
Давит боль отчаянно и зло - эти старики мне незнакомы,
А родных годами унесло, да и мы их тиканьем влекомы.
Лепят дни морщинистую вязь под крылом другого поколенья.
Жизнь теперь компьютером взялась - и она достойна умиленья.
Осознать непросто грустный факт: возраст мой почти уже отцовский.
Заключать придётся мирный пакт, чтоб характер строился бойцовский.
Хочется под занавес блеснуть, полетать, поездить, порыбачить...
Если жизнь сложилась как - нибудь - сложною становится задача.
Мне немного стыдно за себя. Как неумолимо тает горе!
Постараюсь, памятью любя, не сгибать родителей в укоре.
Что - то нужно, видимо, менять. Пусть они помогут мне оттуда,
Чтоб я лучше смог себя понять и не говорил потом "Иуда!".

Ну что, зима..

Снегопад в Полтаве, первый снегопад, и снежинки по щекам моим стучат.
Я шагаю на работу невпопад как танкетка, без сомнений и преград.
Нависают небеса над мостовой, снег кружится над моею головой,
Перекрёсток, как бессменный постовой, регулирует движенье, сам не свой.
Легковушки нерешительно ползут, всех жильцов своих растерянных несут,
И вороны ситуацию пасут, осторожно маясь, крыльями трясут.
Запорошило осенние грехи, люди в зонтиках запутались, хи - хи,
И дома под снегом вовсе не плохи, и движенья осторожны и лихи.
Наш рассвет произрастает без преград, и уже, наверно, многие не спят,
И мальчишки перед школами шалят. Будет много снега - люди говорят.

